

Инь Чуань чувствовал, что его тело невероятно легко, словно душа отделилась от этой тяжелой оболочки.

Он услышал, как кто-то разговаривает, и, идя на голос, медленно зашагал вперед. Его ступающие ноги легко касались дорожки, выложенной мелкой цветной галькой. Миновав широкий китайский внутренний двор, он вошел в квадратную гостиную.

В комнате было слегка темно — хотя стоял день, двустворчатые двери распахнуты настежь, и солнечный свет косыми лучами струится сквозь резные оконные рамы с узором из цветов лотоса, освещая всех в помещении. Но даже этот ослепительный солнечный свет не мог избавить Инь Чуаня от ощущения, что в комнате царит мрак.

В этом гнетущем жилище, среди полумрака, похожего на предзвездный час в шесть вечера, он увидел безупречную во всех отношениях молодую пару и мальчика младше десяти лет — их сына.

Супруги сидели рядом на диване из хайнаньского палисандра, оставив между собой ровно столько расстояния, чтобы их тесная связь подчеркивалась хорошими манерами. Мальчик же одиноко стоял у двери, еще не успев снять школьный портфель — очевидно, он только что вернулся с уроков.

— Какое место занял? — заговорил мужчина, встряхнув вечернюю газету и даже не взглянув на сына.

Мальчик достал из портфеля контрольную работу и тихо положил ее на прикроватную тумбочку ближе к отцу, отвечая:

— Второе.

Выражение лица мужчины застыло, он поднял взгляд на мальчика.

Сидящая рядом с ним женщина, его жена, подала голос:

— Второе по параллели или второе в классе?

Он слез с кровати и принялся искать что-нибудь перекусить, попутно вспоминая подробности сна. Он испытывал легкое удивление и странное чувство: он уже очень давно не видел во сне события из своего детства.

Отец отложил айпад, взял из рук домашней помощницы утреннее печенье и, глядя на Инь Чуаня, произвел:

— Ты сегодня возвращаешься в университет?

— Мы должны уделять ему больше внимания, заново составить план обучения. Он наш сын, он не имеет права занимать второе место.

Мужчина снова встряхнул газету, и его тон стал гораздо строже:

— Не оправдал ожиданий, не только не добился успехов, но даже скатился назад. Сегодня вечером без ужина, ступай в свою комнату и подумай над своим поведением.

Это выражение недовольства заставило мальчика опустить голову от досады:

— Второе по параллели.

Его голос был чистым и звонким, в нем слышалось нечто вроде врожденной покорности; родителям очень нравилось, когда он так разговаривал.

Послушный.

Из гостиной доносился разговор той пары:

— И еще, — голос мужчины был полон разочарования, — тебе не кажется, что его угрюмость, нежелание разговаривать и улыбаться — это крайне невоспитанное поведение?

Инь Чуань разгладил пластиковый пакет из-под хлеба, засунул его в потайное отделение рюкзака, а затем ответил с телефона: [Спроси у старшего брата, причины я ему объяснил].

—

Ровно восемь часов по пекинскому времени, Инь Чуань вышел из комнаты, приведя себя в порядок.

— Папа, мама, доброе утро.

Инь Чуань тоже остановился.

Его отец уже давным-давно не читал газет — он перешел на айпад, просматривая новости об образовании и финансах. Отец отпил глоток зеленого чая из чашки и сказал ему:

— Отлично, садись завтракать.

Инь Чуань послушно занял свое место, чинно взял приборы и начал завтрак по заведенному матерью порядку, который, как утверждалось, был чрезвычайно полезен для здоровья.

Он положил свою маленькую ручку на дверную ручку спальни и беззвучно нажал вниз. Дверь открылась, мальчик шагнул внутрь и, обернувшись, чтобы закрыть ее, бросил взгляд на коридор, словно заглядывая в глаза Инь Чуаню, после чего произнес:

— Она права, пора становиться «послушным».

Мужчина произнес:

— Трудно пришлось.

Телефон у изголовья завибрировал.

Он прошел по коридору из своего сна, мимо гостиной, направляясь туда, где едят.

— Ничего подобного, — Инь Чуань по-прежнему встречал их с улыбкой.

— Всё ради будущего ребенка.

Войдя в коридор с левой стороны гостиной, в самом его конце обнаружилась комната мальчика. Дойдя до двери спальни, мальчик остановился, но не оглянулся.

— Наверное, в последнее время мы слишком распустили его.

Инь Чуань остановился у входа в столовую и кивнул сидевшим внутри мужчине и женщине, приветствуя их.

Учеба.

Это пришло сообщение в WeChat от друга, записанного как «Пятый»: [Когда планируешь выбираться? Мы, братья, придем за тобой паланкин.]

Инь Чуань посмотрел на спину мальчика и почувствовал, что это направление еще темнее — просто бездна. Он не удержался и последовал следом.

— Да, — с улыбкой ответил Инь Чуань, — нужно вернуть пару книг.

Завтрак из трех человек завершился дежурной фразой его отца:

— Не позорь меня и твою мать.

—

Инь Чуань жил у восточного входа в сорок первый переулок в районе Дунчэн. Это место считалось родовым гнездом семьи Инь: его прадед обустроил здесь дом, но к поколению его родителей большинство соседей разъехалось за границу, и эта улица почти превратилась в коммерческую. Прямо наискось от их дома находилась Академия каллиграфии и живописи Ханьлинь, через два дома располагался китайский ресторан, специализирующийся на приеме знатных особ, а в самом начале улицы стоял частный антикварный салон. Практически все дома на этой улице представляли собой двухэтажные сыхэюани площадью в пятьсот квадратных метров, у которых время от времени останавливались туристы, чтобы пофотографировать виды.

Услышав это, супруги втайне облегченно вздохнули.

Отец снова заговорил:

— На следующей неделе сходи на собеседование в Группу Жуйшэн. Это стажировка, которую устроил для тебя дядя Цинь, — тут он предупреждающе нахмурился, — смотри не забудь.

Женщина полностью согласилась и согласно кивнула:

— С завтрашнего дня я начну обучать его хорошим манерам, — вздохнув, она повторила только что сказанные слова: — Девять лет — пора бы уже стать послушным.

Мальчик забрал свою контрольную работу и молча повернулся, направляясь вглубь дома.

Инь Чуань откусил кусочек хлеба, тщательно и медленно пережевывая, и неторопливо ответил: [Подожди еще].

Инь Чуань вернулся к постели, глядя в телефон и жуя хлеб.

Облик этого сыхэюаня претерпел невероятные изменения по сравнению со сном: на следующий день после того, как его дедушка и бабушка эмигрировали в Канаду, родители пригласили специалистов из дизайн-бюро обсудить план реконструкции. Благодаря полугодовым трудам традиционный родовой дом превратился в современное жилище в природном стиле, а диван из хайнаньского палисандра из его сна исчез без следа, уступив место модульному дивану из итальянской кожи наппа.

Есть, как же он хочет есть.

Инь Чуань проснулся от сосущего чувства под ложечкой, медленно открыл глаза. Одна его рука машинально массировала желудок — это вошло в привычку. Он приподнялся на постели, скосив взгляд в окно: рассвет только занимался, в стекле забрезжил слабый свет, и густота мрака в комнате была точно такой же, как во сне.

[Какого черта! Ты чего так рано встал?!] — собеседник начал писать без всяких церемоний. — [Какое еще подожди? Мы же обо всем договорились!]

Его покорный и вежливый вид умиротворил супругов, и родители одарили его едва заметными улыбками, словно бросали подачку.

— Верно, я как раз планирую это. В этом году ему исполняется девять, пора быть послушным.

— Как может быть второе место?

Когда обрывки короткого разговора стихли, в душе мальчика постепенно зажегся свет истинного знания.

Находилось даже множество людей, которые стучали в дверь и спрашивали, нельзя ли снять их двор. Позже отцу это надоело, и он велел помощнице выставить у входа табличку с надписью: «Дом жилой, просьба не стучать и не фотографировать».

Инь Чуань выехал из дома и добрался до Народного университета ровно к десяти. Во втором полугодии у него день рождения, ему исполнится двадцать один год, он уже четверокурсник. В последнее время накопилось много личных дел, и он, пожалуй, около недели не появлялся в университете.

Взяв несколько книг, он пересек два учебных корпуса и замедлил шаги перед входом в спортивный зал. Нашупав в кармане телефон, он хотел проверить, нет ли непрочитанных сообщений, и в этот самый миг заминки прямо ему в лицо прилетел баскетбольный мяч. Инь Чуань почувствовал резкую боль в переносице, и из глаз невольно брызнули слезы.

Его очки сорвались и упали на землю, неподалеку от мяча. Он присел на корточки, чтобы их поднять.

— Извини, не специально.

Услышав чей-то голос, Инь Чуань не проявил особого любопытства: сначала осмотрел очки, убедившись, что лингвистических... тьфу, что линзы целы, надел их обратно и тут же поднял голову, глядя на подошедших за мячом студентов-сверстников.

Волосы у этой компании еще были мокрыми — судя по всему, они только что закончили играть.

— Эй, — самый рослый из студентов задрал подбородок, глядя на Инь Чуаня с насмешливой улыбкой, — прости, тебе новые очки не нужны?

Инь Чуань поправил очки и пристально, долгим взглядом посмотрел на парня. Его глаза все еще слезились, казалось, будто он смотрит на людей сквозь толщу воды. Медленно на его губах появилась легкая улыбка:

— Ничего страшного, не нужно.

Сказав это, он прижал к груди книги и прошел мимо компании.

Позади тут же раздались ничем не прикрытые смешки:

— Совсем придурок.

— На кой черт ты к нему лез?

— Да хотел проверить, умеет ли он злиться. Видал? Зубрила чистой воды.

— Чет у тебя язык поганый, завидуешь, что его без экзаменов в магистратуру берут?

— Ха-ха-ха, то-то и оно...

—

Утреннее здание библиотеки было полупустым. Инь Чуань нашел местечко с хорошим освещением и аккуратно разложил взятые книги.

Недавний эпизод никак на него не повлиял — он остался прежним, знакомым всем тихоней: спокойным, неторопливым, с глазами, занятыми исключительно книгами. Любой, кто взглянул бы на него, непременно подумал: вот же у людей хороший ребенок.

— Эй! Инь Чуань.

Его только-только успел занять место, как к нему обратилась однокурсница с того же потока.

Девушка отличалась редкой красотой: на ней было зеленое шерстяное платье, распущенные выющиеся волосы струились по плечам, а от приближения веяло приятным, прохладным ароматом духов.

Инь Чуань кивнул ей в знак приветствия:

— Привет.

Девушка улыбнулась:

— Давно не виделись. Кажется, ты целую вечность не заходил в библиотеку.

— Пар было мало, вот и не приезжал.

— М-м, ха-ха, — девушка лучезарно улыбнулась. — Ты-то никогда пары не пропускаешь. Ну как, я слышала, ты ищешь компанию для стажировки?

— Угу, да, — отозвался Инь Чуань. — Я уже определился с выбором.

— Тебя же без экзаменов зачисляют в магистратуру, нагрузка небольшая, зачем тебе это? — с завистью в голосе произнесла девушка, подперев щеки руками и открыто любуясь лицом Инь Чуаня с близкого расстояния.

Инь Чуань остался абсолютно невозмутим и мягко ответил:

— Дома так решили.

— Ох, — девушка искривила губки. — Как же я тебе завидую. Ты такой талантливый, семья прекрасная, оба родителя — интеллигенты, всё за тебя заранее устроено. Надо будет в следующей жизни получше подумать перед тем, как рождаться заново.

Услышав это, Инь Чуань оторвал взгляд от книги и с улыбкой произвел:

— Многие мне завидуют.

— Во-во, — девушка вытянула изящный палец. — Я как раз из их числа.

Инь Чуань лишь улыбнулся в ответ.

Минимум через десять те самые парни, что запустили мячом ему в лицо, тоже невесть зачем направились в их сторону — впрочем, шли они не к Инь Чуаню, а целились прямо на красавицу.

— Богиня.

Высокий парень плюхнулся рядом с девушкой, судя по всему, они были хорошо знакомы.

Девушка спросила:

— Разве вы не в баскетбол играли?

Долговязый бросил косой взгляд на сидевшего напротив Инь Чуаня и усмехнулся:

— Закончили. Ну что, как насчет того, чтобы вечером завалиться в бар у старого кампуса?

Девушка неуверенно переспросила:

— В Arch?

Долговязый издал хмыканье носом.

Девушка промолчала и подняла глаза на Инь Чуаня, желая посмотреть на его реакцию.

А у того не было ни малейшей реакции — даже веком не моргнул.

Девушка подавила внутреннее разочарование, прикусила губу и, напустив на себя самый жизнерадостный вид, словно преодолевая огромное смущение, спросила:

— Инь Чуань, пойдешь с нами?

Инь Чуань поправил очки и, чуть смутившись и выказав легкую робость, ответил:

— Папа с мамой не разрешают мне ходить в такие места.

— Ха-ха-ха, блядь!

Высокий парень не продержался и секунды, заржав так, что аж начал хлопать себя по столу. Сообразив, что обстановка неподходящая, он зажал рот рукой, сдерживая хохот.

Девушка тоже страшно смутилась и уже поднялась, собираясь откланяться:

— Ну... ладно тогда...

Как только компания отошла на почтительное расстояние, Инь Чуань выпрямился, захлопнул

книгу и молча посмотрел им вслед. Зрачки под линзами очков постепенно темнели.

—

Ночью Инь Чуань распахнул настежь окно спальни. Стол стоял как раз возле него, а за окном росло дерево китайского финика. И пусть летом оно привлекало комаров, а осенью — тополиный пух, в этом дворе лишь одно дерево вызывало у него теплую привязанность — тот самый финик, росший вместе с ним. С сумерек и до глубокой ночи он вдыхал легкий медовый аромат цветов финикового дерева, исходящий от ствола. Дедушка посадил его собственной рукой, сказав внуку, что оно будет давать тень.

Инь Чуань знал и другую причину — дедушка о ней не говорил, но он-то понимал.

Из-за этой финиковой ветви на балках его спальни никак не могли установить камеры видеонаблюдения.

Посмотрев на дерево еще немного, он вернулся на кровать и принялся листать учебные материалы. Толстая пачка бумаг лежала у него на коленях, спина опиралась на изголовье, а он, покусывая яблоко, перевернул первую страницу.

В этот момент зазвонил телефон.

Звонил Пятый — его звали Ци Тянь, это имя он выбрал в детстве, пытаясь покрасоваться, но теперь кусал локти от раскаяния и был готов откликаться хоть на Пятого, хоть на Шестого, лишь бы не слышать своего полного имени.

— Мм, говори, — Инь Чуань одновременно жевал и отвечал на звонок.

— Ты один? — осторожно поинтересовался Ци Тянь.

— Их нет дома, тетушка ушла на рынок.

Тогда Ци Тянь наконец во весь голос завопил:

— Чуань-эр! Угадай что? Те сопляки — твой Четвертый брат еще даже рот открыть не успел, просто встал рядом, а они уже в штаны наложили от страха! Чтоб их черт побрал, сметь швырять мячом в нашего маленького Чуаня! Да мы их заставим в куче дерьма кувыраться!

Инь Чуань чуть тронул губы улыбкой:

— Помягче с ними, переборщите — потом проблем не оберетесь.

— Помягче? — Ци Тянь насмешливо хохотнул. — Да ты, братец, оказывается, умеешь говорить «помягче», на твой характер совсем не похоже.

Инь Чуань швырнул огрызок яблока в урну, вытер рот и сменил тему:

— Старший брат наверняка тебе передал, я пока не могу уехать.

— Понимаю, не спеши, — отозвался Ци Тянь. — Пара дней роли не играет, мы подождем.

Инь Чуань подтянул колени к груди. Заметив в конспектах важную тему для экзамена, он зажал в зубах ручку и обвел ее кружком, бормоча с набитым ртом:

— Угу-угу... Я со следующей недели выхожу на работу.

Пятый услышал в трубке шуршание переворачиваемых страниц и с любопытством спросил:

— Ты чем там занят?

Инь Чуань, разрываясь между двумя делами, бросил:

— Читаю материалы. Корпоративная культура Группы Жуйшэн. Он велел мне за одну ночь во всем разобраться, мне нужно выучить всё наизусть, не хочу давать ему повода для пустых нравоучений.

Кто этот «он», пояснять не требовалось.

— Твою мать, от одного описания уже задыхаешься... — Ци Тянь слегка поежился и собрался вешать трубку. — Желаю удачи.

— Спасибо.

Сказав это, Инь Чуань бросил телефон на колени и снова уставился в бумаги. Среди них он обнаружил цветную фотографию какого-то мужчины, а ниже — краткую биографию. Его палец коснулся лица на снимке, скользнул вниз и замер на имени:

— Шао... Юй... Мин.

<http://bllate.org/book/18662/1799429>